

ЭТНОЛОГИЯ

В.Н. Давыдов, В.В. Симонова

Абердинский университет, г.Абердин, Великобритания

E-mail:daydov@abdn.ac.uk

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ: АНТРОПОЛОГИЯ СОБАКОЕДЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭВЕНКИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Статья основана на результатах полевых исследований, проведенных в поселке Холодное Эвенкийское, Северобайкальского района, республики Бурятия при поддержке Байкальского Археологического Проекта в 2007 - 2008 гг. Исследование проводилось среди жителей села Холодное, преимущественно занимающихся охотничьим и рыболовным промыслом. Основную часть информантов составляют эвенки.

Село Холодное Эвенкийское расположено в восемнадцати километрах от районного центра, поселка Нижнеангарск. По данным районной администрации на 1 августа 2007 года в селе Холодное проживало 423 человека (вместе с селами Душкачан и Туртуки). Среди эвенкийского населения (123 человека) в селе Холодное живут потомки трех эвенкийских родовых групп: киндигиры, чильчагиры и шемагиры. Северобайкальские киндигиры разделялись на горных и береговых. Горные киндигиры занимались разведением оленей и охотой, а береговые, которые лишились оленей, вынуждены были заниматься рыболовством (Шубин, 2001).

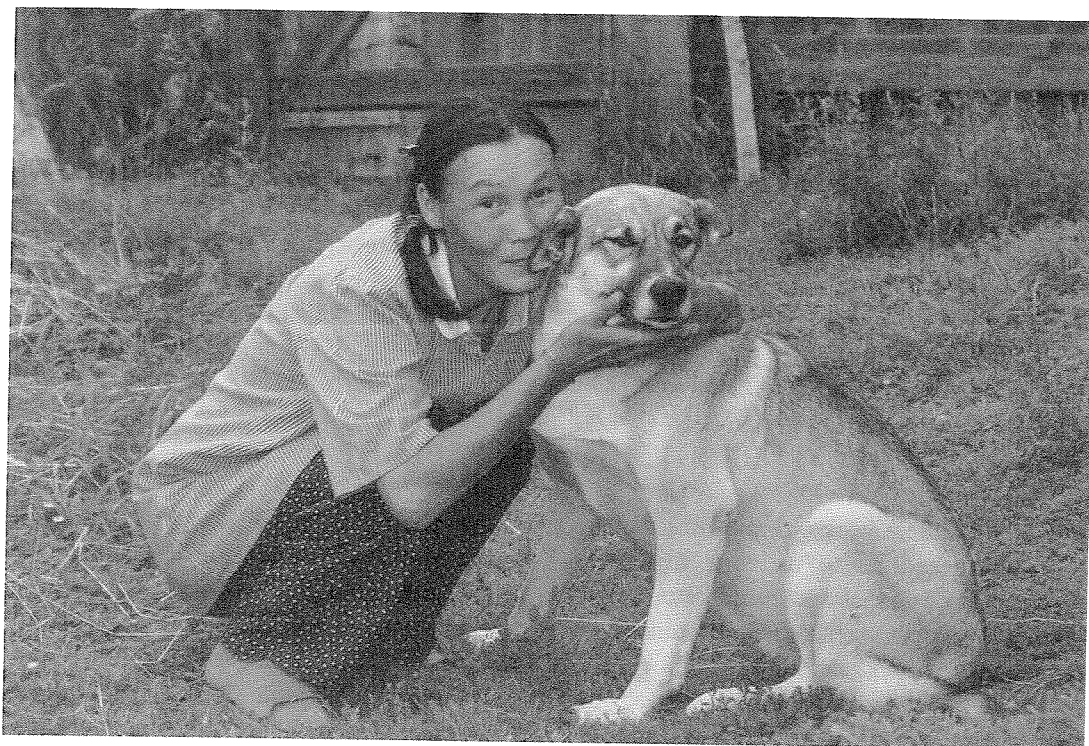
Прежде чем перейти к анализу феномена собакоедения, необходимо рассмотреть социальную роль, которую играет собака в локальном сообществе эвенкийской деревни.

В XVII веке ангарские тунгусы использовали собак в транспорте (Василевич 1969: 88). Сохранилось описание собачьих нарт ангарских тунгусов, выполненное А. Каменским-Длужиком, который был выслан на Ангару в середине XVIII века (Василевич, 1969: 88, Полевой, 1965). Большое количество собак у тунгусов отмечали И. Идес, Я. Линденау, С. Гмелин. В 1723 году Мессершмидт в двух местах на Нижней Тунгуске даже записал

самоназвание жителей «хундысал», что означает «хозяева собак» (Василевич, 1969: 88 - 89).

Собака имеет важное социальное значения для жителей села Холодное, поскольку собака является помощником в охоте и хозяйственной деятельности (Сирина, 2002). Практически в каждом дворе есть собака. В деревне пользуются популярностью сибирские лайки, хотя в настоящее время уже трудно найти «чистую» лайку (Туголуков, 1969, Рогова, 2007). Собак покупают, подбирают, заранее договариваются о щенках, иногда встречаются случаи воровства щенков и взрослых собак. В исследованиях культуры и социальной жизни эвенков подчеркивается промысловое значение собаки: «Опытная промысловая собака ценилась в Сибири подчас не дешевле лошади» (Туголуков, 1969: 23).

Освоение природных ландшафтов, охотничья удача (фарт) во многом зависит от собаки. Некоторые охотники не любят, когда их собак фотографируют или же гладят. Существуют поверье, что маленьких щенков нельзя гладить, иначе он «пропадет» или станет «беспутым» то есть, непригодным для промысловой деятельности. Чтобы сгладить примету, нужно обязательно дунуть на руку, которой незнающий этих правил человек, гладил щенка. Существует также примета, что щенок, которого сфотографировали или же сняли на видеокамеру «может пропасть». По Г. М. Василевич запрет на фотографирование, имевшийся у некоторых групп эвенков в начале советского периода, является трансформацией представлений о ханьян. Тень (ханьян, аньян – эвенк.) считалась неотделимой от человека, и на нее запрещалось наступать. Данное понятие включало также отражение в воде и в зеркале

*Антонина Саканина с собакой по кличке Лайка. Лето 2007.
Фото авторов*

(Василевич, 1989: 224).

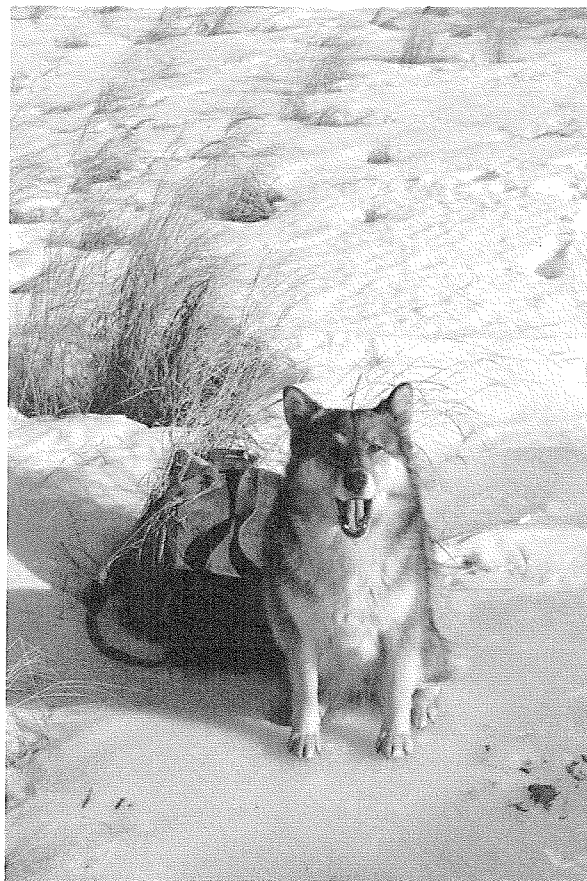
Не приветствуется «подкармливание» чужих собак, даже если последние сильно голодны, когда хозяева нерегулярно их кормят. Считается, что собака должна сама добывать себе пропитание. Как пишет Туголуков, «кормят ее эвенки, как правило, только зимой во время промысла, а летом она сама ухитряется прокормить себя» (1969: 23). В середине XIX века Г. Спасский писал: «Летом оставляют при жильях тех лишь собак, которые нужны для звериных промыслов; прочим же дают полную свободу, и они сами себя пропитывают, добывая на тундрах мышей, разных зверьков и всякие коренья ...» (1857: 124). Если собака ворует еду в разных местах в деревне, то в этом случае, в ней признают смекалку и находчивость. Такая собака будет проявлять сноровку и в лесу, во время охоты. Однако вороватость собаки в доме хозяина не приветствуется. Собака должна беспрекословно слушаться и не трогать еду со стола или же добытое мясо или рыбу. Она должна охранять имущество хозяина, даже если сильно голодна. О хороших собаках люди рассказывают истории и помнят биографии и родословные этих собак. Иногда на собак экстраполируется социальная система родства. Так, у одной семьи

собака ждала щенков. На вопрос, могут ли щенки их собаки быть потомством серого кобеля, который жил по соседству, молодая девушка ответила: «Нет, это же ее родной брат!».

Об «интеллектуальных» способностях собаки помнят долго, и рассказывают об этом истории. Особенно ценится способность собаки отличать имущество хозяина от имущества других людей. Такая собака считается «фартовой», а ее потомство охотно и быстро разбирают:

«У меня собака была, Стрелка, вот это собака была! Я как-то раз с мужиками рыбачил. Наловил рыбы, Стрелка моя сидит, ничего не трогает, охраняет. Мужики удивляются, говорят: «А давай, твоя Стрелка и нашу рыбу охранять будет?», а я им отвечаю, мол, ничего не выйдет. Взял я свою рыбу, а рядом их рыба лежала. Стрелка моя там была, но рыбу вороны стали растаскивать. Мужики удивляются, как же так, ведь их рыба совсем рядом с моей лежит. А я им говорю, что это уже не моя рыба и Стрелке нет до нее никакого дела. Вот такая умная собака была. Свое понимает, а до чужого ей дела нет. Вот, Лайка ее дочь. Тоже хорошая собака, но уже не та» (мужчина 37 лет).

Собака незаменима на ондатровке. Она по-

*Собака по кличке Дева охраняет понягу хозяина. Осень 2007.
Фото авторов*

могает «вытаскивать ондатр из хаток». Тушки ондатр могут использоваться в качестве пищи, как для человека, так и для собаки. В деревне до сих пор вспоминают «ондатровые американские консервы с Аляски» периода Великой Отечественной Войны. Г. М. Василевич отмечает, что у сахалинских эвенков собака помогала искать гнездо выдры (1969: 62). В деревне Холодное собака является также помощником в охоте на норку.

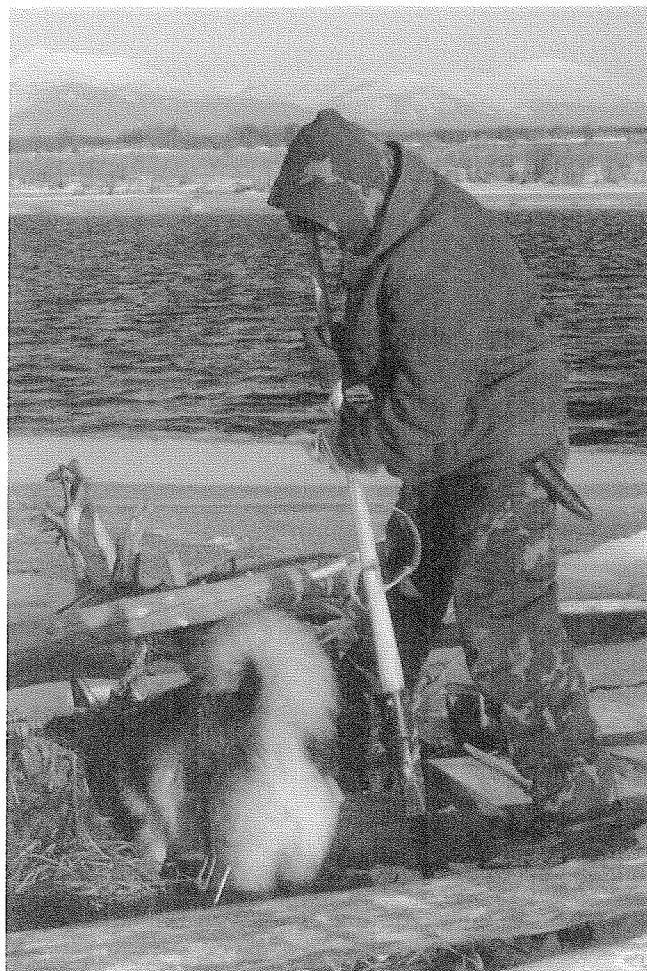
Используют собаку для перевозки грузов, впрягая в небольшие сани. В селе Холодное собак иногда используют для подвозки саней с пустым бидоном к роднику, перевозки дров, мешков с рыбой на льду реки или озера.

Подобное транспортное использование собаки существовало в начале XX века у аянских тунгусов на реке Уе (Василевич, 1969: 89). Путешествовавший по Сибири в середине XIX века М. А. Кастрен заметил, что собаки используются также местными русскими «для возки дров и для разных других хозяйственных работ»

(1999: том 2, 187).

Живут собаки во дворах, в специально построенных для них будках или шалашах (Сирина 2002). Будку, как правило, устанавливают рядом с калиткой, для того чтобы собака могла отогнать лаем незваных гостей. Однажды нам приходилось наблюдать, как вместо будки, большой кавказской овчарке по кличке Мишка, хозяева выделили кресло, на котором любил сидеть их питомец. Иногда собаку привязывают к мотоциклу, чтобы снизить риск угона машины. Крупные собаки представляют потенциальную опасность для детей, и, поэтому, за поведением и повадками крупных собак люди особенно следят. Собаки по деревне обычно бегают без ошейника. Ошейник есть только у тех собак, которых держат на цепи.

Существуют клички собак, которые являются производными от географических названий. Собаки получают имена, соответствующие названиям рек, озер, долин. Так, рассказывали истории о собаках по кличке Бия, Авгаф (место

*Собака по кличке Дева почуяла присутствие норки.
Осень 2007. Фото авторов*

на р. Чая), Аркум, Тайга, Байкал. Эти имена являются метафорическим выражением социального присвоения ландшафтов. Имя собаки становится символической картой, к которой обращаются в нарративах всякий раз, когда говорят о собаке или подзывают ее. Географические имена собак носят локальный характер, поскольку клички соотносятся с байкальским регионом и говорят об охотничьих маршрутах. Нам не приходилось слышать имена собак, не связанные с другими регионами, местами, где охотник не ведет свой промысел (например, такие клички как, Куба или же Нева). Подобное явление можно рассматривать как социально прагматическую стратегию контроля над территорией.

Клички собак также связываются с животными, которые охотник добывает в этом регионе, или же которые встречаются в данной местности.

Часто, это эвенкийские названия животных, экстраполируемые на собак. Например, Умил (филлин – эвенк.), Гай (лебедь – эвенк.), Ворон, Белка. Также клички собак сопоставляются с необходимым техническим оснащением для жизни в тайге, так собака получила кличку Буран.

Ловкость собаки хозяева пытаются воспитывать с самых первых дней ее жизни и часто дают собакам соответствующие имена, например, Стрелка, Пулька, Ракета, «притягивая» таким образом, качество предмета к собаке: «Имя, это же очень важно, как ты ее назовешь, так и будет» (мужчина, 22 года).

Некоторые клички повторяются часто и составляют основной фонд имен, к которым хозяин всегда может обратиться при выборе имени для щенка: Дамка, Лайка, Шельма, Мухтар. Иногда хозяева дают клички собакам соответственно

Собака, везущая рыболовные снасти по льду реки. Осень 2007.

Фото авторов

с индивидуальными особенностями животного: Дева, Мариканду (пестрый - эвенк.), Мишка.

В селе Холодное, особенно среди молодежи, распространено мнение, что характер собаки повторяет характер хозяина: «Ты, вот посмотри на Колю, он такой здоровый! И Мишка у него такой же здоровый! Посмотри на Игоря, его собака ходит так же, как и он, так же ногами перебирает, совсем как он. А у нас собака, бравая такая, умная, значит и мы, наверное, тоже» (мужчина, 22 года).

В Холодном есть «собачье кладбище» - место, где обычно жители хоронят своих питомцев. Оно находится на территории бывшей песцефермы. Там можно найти кости животных. На это место иногда приходят дети. Они помнят, где именно захоронен их питомец и иногда летом приносят цветы. Наличие «собачьего кладбища» говорит о глубокой вовлеченности собаки в социальную жизнь деревни. Несмотря на то, что на этом месте можно обнаружить как останки собак, так и других животных, его называют именно «собачьим кладбищем».

Конечно, не всех собак хоронят именно в этом месте и не всех собак хоронят вообще, но, тем не менее, «собачье кладбище» существует

как пространство захоронения домашних животных. Фуко относил кладбища к гетеротопиям, местам пересечения культурных контекстов. Гетеротопии связаны с социальным желанием заключить в одном месте все времена и эпохи, и как следствии, править ими (Foucault, 1986). Собачье кладбище стало элементом игры для детей и подростков, которые получают возможность имитировать действия взрослых и учатся «управлять временем», устраивая похороны домашним животным.

Феномен собакоедения в Сибири долгое время оставался без внимания исследователей, хотя он является распространенным явлением. Собакоедение считалось маргинальной практикой, которая должна рассматриваться как исключение из правил и отклонение от нормы. В то же время собака является предметом корейской, китайской или индийской кухни, что создает «привычное» отношение к собакоедению, но, если речь заходит о собакоедении в России, то этот феномен воспринимается, скорее как маргинальный и социально неприемлемый.

В этой статье отнюдь не подчеркивается значение собакоедения для эвенков, как особой

Сторожевая собака возле своего укрытия, пос. Перевал. Лето 2007.

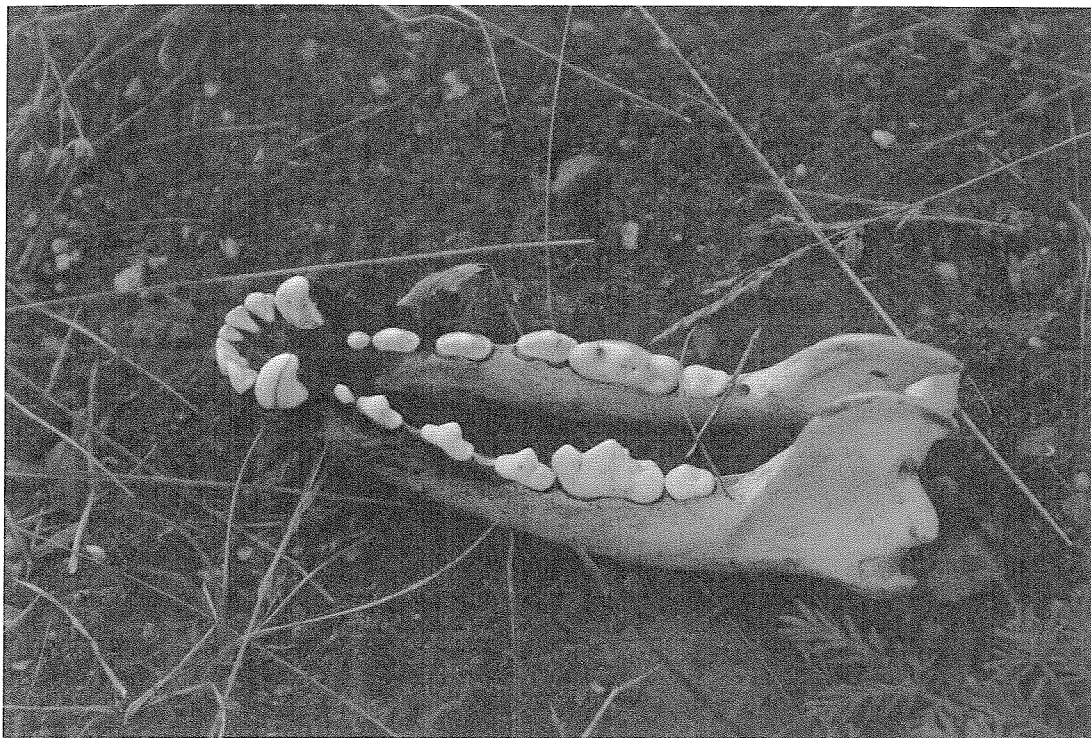
Фото авторов

культурно-лингвистической группы. Скорее мы делаем акцент на общей региональной практике (Anderson, 2007). Основным аргументом выступает принцип локальности и локальных практик (Давыдов, Карбаинов, Симонова, Целищева: 2006) жителей деревни, носящей статус эвенкийской. В пользу данного аргумента также свидетельствует и историческая справка. В 1885 году в Душкачане жили также русские семьи (Киселева 2006). Формирование населения Северобайкальского района связано со второй половиной XX века, с началом геолого-разведочных работ и со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (Сирина, Фонда, 2006), когда в регионе увеличилось население, благодаря притоку новой рабочей силы. В этот период возникли

такие геологические поселки как Озерный, Перевал, Центральный, Чая.

В селе Холодное, жители, эвенки и русские разделяют общие практики, и собакоедение не следует относить к сугубо «этническим практикам», присущим исключительно эвенкам, также как невозможно говорить о собакоедении, как об уходящем корнями в далекое прошлое явлении. Скорее собакоедение возникло как реакция на советские и постсоветские социально - экономические условия. Сегодня собакоедение стало одним из ключевых элементов повседневности Байкальской Сибири.

Старожилы села Холодное утверждают, что раньше эвенки не ели собак, а употребляли их в пищу только в исключительных случаях, когда

Челюсть собаки, обнаруженная на «собачьем кладбище», Осень 2007.

Фото авторов

использовали собачий жир и мясо как медицинское средство от туберкулеза.

Тем не менее, собакоедение стало регулярной практикой в Холодном. Четверо информантов, например, употребляют собаку в пищу в среднем 1-2 раза в неделю (данные интервью и наблюдений). Практически все информанты утверждали, что хотя бы один раз в жизни попробовали собаку. Большинство информантов говорили об особенных медицинских свойствах собачьего жира и мяса, которые применяются сибиряками для профилактики и лечения туберкулеза. Молодые люди также употребляют в пищу собачье мясо. Молодежь, принимавшая участие в поедании собаки, в первую очередь указывала на «полезность собачьего мяса для легких» и в первую очередь ориентировалась на мнение старших жителей села, постоянно употребляющих в пищу собачье мясо.

В советский период собак ели рабочие геологического поселка Перевал, который находился в 40 километрах от Холодного. Поселок был больше Холодного, там были построены начальная школа, детский сад, магазин и большая столовая, пекарня, баня, склады, гаражи. Собачье мясо

было особенно популярно среди рабочих буровых установок.

В отличие от современных холодинцев, участники геологических разработок не употребляли в пищу внутренности собаки. По воспоминаниям жителя Перевала, работавшего в геологии с 1979 по 1987 год (мужчина, 57 лет), ели только мясо, сердце в пищу не употребляли. Собаку обдирали, а потом обжаривали на сковороде. Разделка не занимала более двадцати минут. К собачьему мясу, по сложившейся традиции, полагалась водка. Тем не менее, у некоторых жителей поселка сложилось брезгливое отношение к собачьему мясу, к которому сначала нужно было привыкнуть: «когда выпьешь первую рюмку, неохотно мясо естся, зато после третьей – сковорода пустая».

На буровой установке, на Рыжей горе работало по три человека. Искали цинк и свинец. Собаку разделявал один человек. Двое других ездили в Холодное за водкой, в то время водку в магазин на Перевал еще не завозили: «Гонцы приезжают, все у нас жаровня, часов шесть туда обратно получалось». Собаку никогда не варили, а только жарили, добавляли перец и лук, иногда

*Продажа собачьего мяса на базаре города Димапур,
Индия, штат Нагаленд. Декабрь 2007.
Фото О. А. Пискаревой*

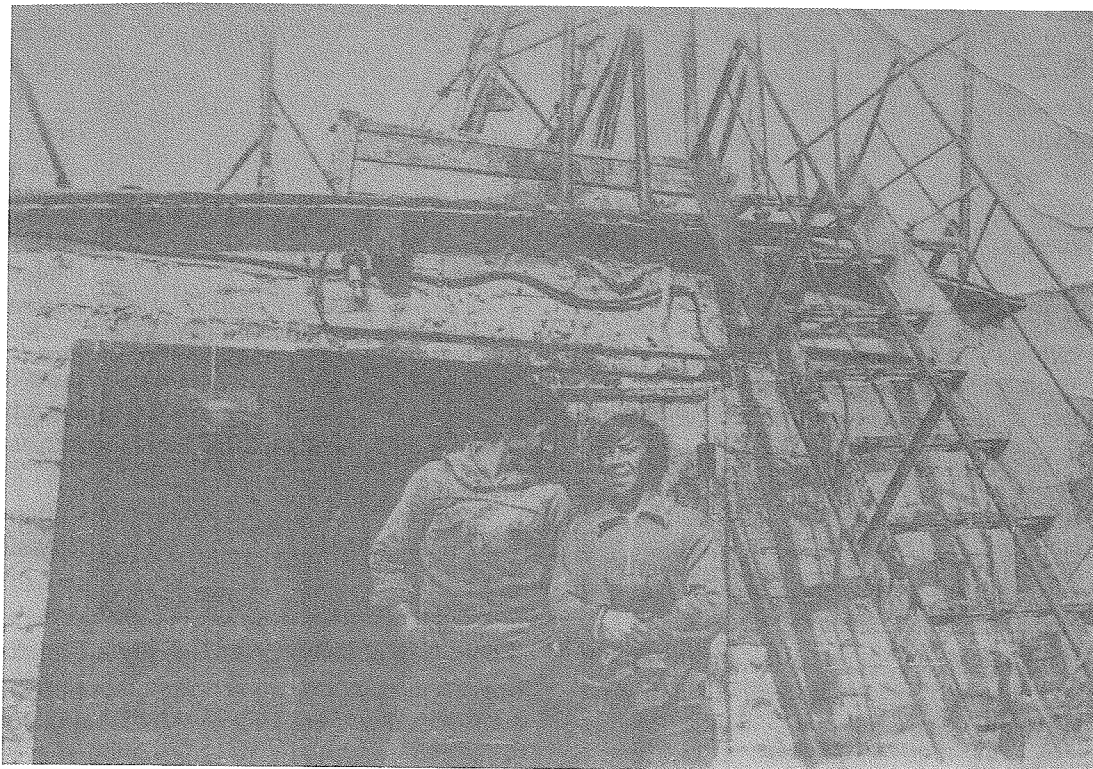
делали котлеты.

На Перевале, по воспоминаниям некогда живших там людей, было много собак. Однажды собака ощенилась пятью щенками, и хозяин щенков решил их утопить, но его друг уговорил его этого не делать, поскольку собака была хорошей соболятницей, и пообещал помочь прокормить щенков. Они называли щенков Бураном, Тайгой, Лайкой, Байкалом, имя последнего щенка рассказчик не помнил. Одна собака попала под вездеход и сломала лапу, Лайку отдали другому охотнику. Остался один Байкал: «Байкал умный был, он приходил к нам в столовую четко по расписанию, часы по нему сверять можно было. Ровно в восемь – завтрак, Байкал уже там, также и в обед и в ужин. Доходился, что его съели, откормили и съели».

Ели собак и в крупных городах. Информант в беседе вспомнил, как в Улан-Удэ в 1974 году он отдыхал в гостях у своей тети. Вдруг неожиданно раздался звонок, и молодой человек предложил купить баранину. Тетя информанта купила мясо и стала варить суп. Когда информант заглянул в кастрюлю, то сразу понял, что его тете продали

собачье мясо, он определил это по форме ребер: они были круглые, и мясо сильно пенилось при варке. Тем не менее, они решили доварить мясо. Мясо показалось им вкусным, собака была молодая. Тетя попросила, чтобы племянник не говорил ее дочери и зятю, что мясо собачье. Она сказала: «Пусть этот немец ест» (ее зять был этническим немцем). Открылись они только после обеда, но этот факт отнюдь не вызвал негодования, напротив все отнеслись к этому спокойно и по достоинству оценили суп.

В 50-е годы XX в. в городах ели собак также для профилактики туберкулеза. Некоторые даже специально выращивали собак с этой целью: «Даже наша семья ела собак, там были туберкулезники. Кольку взаперти держали, в комнате, изолировали от других. Собачье мясо ему туда приносили, вот он в Ангарске умер». Собака, которую с самого рождения держали в специально отведенных вольерах, считалась более приемлемой для употребления в пищу для детей, поскольку риск заражения паразитами сводился к минимуму. Жир таких собак, как правило, отдавали именно детям, в целях профилактики туберкуле-

*На буровой установке. 1980-е годы.
Фото из личного архива Н. Г. Малафеева*

за или же для укрепления иммунитета.

Холодненцы связывают возникновение собачождения в их деревне в 50-60-х годах с появлением «закоренелых тюремщиков». Многие из них сильно «болели легкими». В тюрьмах и лагерях было распространено мнение, что собачье мясо помогает вылечиться от туберкулеза и других легочных заболеваний. Бывшие заключенные употребляли в пищу мясо и жир собаки. «Баягоны тунгусы всегда были – в тюрьме сидели все. Они этого не боялись, чтобы собаку съесть» (мужчина, 43 года).

В деревне существует два устоявшихся термина для обозначения больных туберкулезом: «первичники» и «хроники». У «первичников» процесс развития болезни протекает более стремительно, нежели у «хроников». Собачье мясо и жир способствует выздоровлению «первичников», а «хроники», жившие в деревне, смогли поддерживать свое здоровья именно благодаря «собачьей диете». После того, как «хроники» едят собаку, у них начинается процесс «отхаркивания» и они чувствуют себя легче.

По словам информанта (мужчина, 42 года), они жили «лет по двадцать, а то и больше по-

сле выхода на свободу, несмотря на тяжелую болезнь». Особенно полезным в деревне считается собачий жир. Сейчас его можно купить на рынке города Северобайкальска. В целях профилактики, его по чайной ложке можно давать детям, или подмешивать в кашу. Сам информант попробовал собаку впервые еще в семнадцатилетнем возрасте перед уходом в армию и продолжает регулярно употреблять собачье мясо в пищу до настоящего времени.

Жители деревни уверены, что собачье мясо очень полезно для людей, постоянно употребляющих крепкие алкогольные напитки, а также тех, кто не соблюдает правила гигиены, например, пьет из одной кружки с людьми, переболевшими туберкулезом. «Был один хронический, мы с ним собаку убили, сварили. Ели и пили с ним из одного стакана, потому, что если будешь брезговать, скорее заразишься. Вот я и не заразился. До поры до времени, пока не оказался в местах не столь отдаленных». Житель села рассказал свою биографическую историю о том, как ему пришлось есть собак в тюрьме:

«В тюрьме мы, когда были, на зоне – там собак нету. Но, есть люди, которым срок подходит.

Их выпускали днем на работу, а вечером они приходили назад спать. Если есть возможность, они собаку убивают и мясо прячут в одежде. Так просто собаку на зону не протащишь. Если ты убил собаку на той стороне, обычно даешь милиционеру бутылку водки. Помню, как-то раз, я иду, через проходную, у меня пакет, а я еще там бутылку водки заработал. Подхожу, подмигиваю, показываю на водку. Он рукой махнул, вот я с этим мясом сырым прохожу. Когда ты приходишь, собаку изобразишь, сразу собираются приبلатненные, шпана, потом в больничку, потом в бур (где по полгода сидят, не выходя из камеры), а потом уже в ходок – это твой дом. Там у тебя семейка. Работали мы на один котел, а остальное раздают гостям. Вот, только на один раз хватает поесть. После этого лучше принимают тебя. Но так бывает редко. Не каждый раз так получается. Когда меня выпускали из зоны, бабка какая-нибудь, даст собаку. Скажет «на, возьми, надоела», обдерешь и думаешь, как протащить. Зависит от того, кто пропускной».

Информантка (33 года) рекомендовала употреблять собаку в пищу в качестве лекарственного средства от гриппа. Она уверена, что употребление в пищу мяса собаки и ее внутренних органов, поднимает иммунитет. «У нас, малочисленных народов Севера, у эвенков, иммунитет низкий, а так легче болезнь переносишь» (мужчина, 42 года). Считается, что мясо собак, которые «бегают по помойкам», гораздо полезнее, чем у домашних, сидящих на цепи, поскольку «помойные собаки «едят всякую отраву и остаются невредимыми», следовательно, у них «укрепляется иммунитет». Человек, съевший такую собаку, уверен, что укрепляет свой собственный. Жир собаки считается полезным для людей, страдающих бронхиальной астмой.

В деревне отдают на съедение «лишних» собак или тех, которые кусаются и представляют опасность для детей. Приведем в качестве примера историю о «беспутых» собаках, рассказанную молодым рыбаком. «У нас была собака, Катарина. И Дева тоже уже была. Так эта Катарина до чего беспутая была. Щенки народились у нее и у Девы, так Катарина их заморозила, Дева попыталась их спасти, перетащить к себе в будку. Катарина это увидела, пока они с Девой дрались, щенки совсем замерзли. Их на печку принесли, хотели отогреть, но уже поздно было. Потом она всех кусала, ни-

кто не мог во двор зайти, даже мы ее боялись. Пришлось ее забить и съесть, я же ее и съел» (мужчина, 22 года).

Общепринятым термином для забоя «беспутых» животных, является термин «ликвидация». Этот термин также используется по отношению к котам и козлам. Под этим термином понимается вынужденная необходимость избавления от животного: «Потапка был беспутый у нас, пришлось его ликвидировать, вот В. с А. его и ликвидировали. Не хотели, но пришлось» (женщина, 33 года). В данном случае собаку «ликвидировали» поскольку пес требовал слишком много еды, а хозяева сами с трудом могли прокормить себя.

Самый непростительный грех, который может совершить собака – это укубить ребенка. В этом случае, ее не спасет даже ценный охотничий навык и преданность. Однажды пес по кличке Гай укубил маленькую девочку. Он был хорошим охотничьим псом, но его пришлось убить: «Это был отличный, вообще отличный пес. А что делать? Он девочку за губу схватил, хорошо обошлось, а вдруг он еще кого схватил бы?» (мужчина, 57 лет). Четырнадцатилетний внук информанта также с сожалением вспоминает эту трагическую историю: «Это был самый верный пес. Он ко мне никого не подпускал, я мог его даже не кормить, он меня больше всех любил, больше такого нет. Вот к этому псу у меня были чувства, а к остальным так, не очень».

Критерии выбора собаки как потенциальной пищи во многом зависят от ее характера. Хозяин может отдать собаку на съедение из-за ее «покуности» и «беспутости», но хорошую собаку – охотницу, наоборот, сильно берегут.

«Собака у меня была, наживу с капкана съела. Я по новой наживлял – все равно ела. Я ее бил, отучить пытался. Чтобы собаку отучить ее нужно пару раз шлепнуть. А эту дубиной хлестать пришлось. А потом привязал ее. Поймал трех зайцев, принес три штуки, спрятал, потом гляжу, а там один пух. Подхожу к зимовью, а она из ошейника вылезла и полностью зайца съела. Я схватил ружье, стрельнул, может быть, задел ее, а она продолжала съедать наживу с капкана. Потом я уже на нее стал охотиться. Возвращался с участка в Холодную пешком, подошел к Гуле. Она бежала сзади и напугала меня. Потом еще два раза напугала по пути домой, вот я попросил, чтобы ее шлепнули, ее и шлепнули».

Накочетки из собачьей шкуры. Зима 2008. Фото авторов

Пришлых собак, как правило, не убивают, считается дурной приметой. Осенью 2007 года на Перевале оказался брошенный пес. Пса подкармливали оленеводы и рабочие, говорили, что раз пес ничей, то его можно съесть, однако его так никто и не тронул. Иногда охотники оставляют пришлую собаку себе. Часто это сопрягается с представлениями о «фарте», охотничьей удаче. В селе существуют несколько нарративов о пришлых собаках. Собака либо становилась хорошей соболятницей и ее даже воровали, либо спасала хозяину жизнь, хорошо ходила на сохатого и даже медведя. Туголуков заметил: «Бывает, что охотники намеренно уводят чужих собак» (1969: 24), подобная история случилась с одним из информантов – у него одолжили собаку и не спешили возвращать, так как она сразу же помогла добыть сохатого. Вообще, «собаки нередко переходят от одних хозяев к другим» (Спаский, 1857: 122). Нарративы о «беспутых» пришлых собаках нам не встречались. Потомство от пришлых собак также ценится среди охотников.

Собаки могут использоваться охотниками в качестве «мясного резерва». На Перевале рассказывали историю про одного промысловика, который уходил на охоту с несколькими собаками, а возвращался с одной. Охотник может съесть собаку в том случае, если по каким-то причинам не смог добыть мяса.

Случались из-за собак и трагедии. В 90-х го-

дах у двух братьев пропала собака, хороший охотничий пес, и они заподозрили соседей в воровстве. Пришли к ним, а те как раз варили какое-то мясо. Началась ссора, братья обвинили соседей в том, что они украли и убили их собаку, из-за этого разразилась драка, в результате которой обвиняемый в воровстве схватил топор и ударил обоих братьев. Один из братьев умер, другой остался жив, ударивший был осужден на пятнадцать лет тюремного заключения.

Жители Холодного считают, что тех, кто ест собак, собаки не любят и облаивают. Информант, которого прозвали в селе «Собачьим киллером», всегда просит придержать собаку, когда заходит к кому-нибудь во двор – боится, что его собака укусит. Существуют представления, что собаки помнят человека, убившего их собрата и обязательно постараются ему отомстить. «Если сучка есть, и приплод не нужен, то меня зовут. Собаку в конуру прячут, а она взгляд чувствует. После этого, она до самой смерти лает на человека» (мужчина, 42 года). Также говорят, что собаки сбиваются в стаю и могут облаивать дом, где была убита собака в течение двух – трех дней.

Обычно собаку отдают на забой сами хозяева. Как правило, они приводят собаку к «ликвидатору» и в качестве оплаты за «услугу» приносят бутылку водки («пузырь») или «чекушку спирта». Водка является обязательной частью процесса забоя собаки или щенков. После того, как «киллер»

Голова собаки, оставленная на месте разделки.
Зима 2007. Фото авторов

заканчивает свою работу, он «брызгает» водкой, выпивает чарку и говорит: «Боженька, прости меня, пожалуйста».

Сразу договариваются о том, кому достанется шкура убитого животного. Иногда шкуру забирает хозяин собаки. Шкура собаки (иннакса – эвенк.) может использоваться в качестве материала для пошива шапки, рукавиц, унтов и наколочек (обувь без подошвы, сшитая мехом внутри).

Шкурки щенков уходят на пошив детских шапок. Ношение изделий из собачьего меха также считается полезным для здоровья человека. «Собака намного лекарственнее, чем все остальные животные. Собака намного лучше человека вылечивает» (женщина, 33 года). Из пуха собаки вяжут носки и рукавицы «для тех, кто на буране и мотоцикле», а также теплые собачьи пояса для лечения спины. Пояса могут быть изготовлены, как из шкурок, так и связаны из шерсти собаки.

Слюна собаки считается дезинфицирующим средством. Иногда собакам люди специально даютлизать рану. Некоторые охотники отдают собаке использованную посуду «чтобы та ее вылизала языком» (мужчина, 57 лет).

Забой собаки осуществляют по одному или вдвоем. Забивают собаку обычно ударом молотка или топора. «Удавку делают, через щель забора проталкивают. И кто смелее – наносит удар по голове. Потом ножом перерезают артерию на горле» (мужчина, 42 года). Эвенки забивают собаку точно так же, как и оленя. В отличие от других народов Севера, эвенками не практикуется убой оленя ударом ножа – его «обычно оглушают ударом топора в верхнюю часть черепа» (Санжиев, Атутов 1988: 128). Считается, что собаку легче забить вдвоем, когда один держит, а другой обухом топора бьет по голове с другой стороны забора. В редких случаях, когда под рукой не оказывается топора или молотка, собаку оглушают ударом полена. Перерезав артерию, забойщики ждут пятнадцать минут, пока выйдет кровь, а с ней и «собачий дух». После этого приступают к разделке убитого животного. Кровь оленя также выпускают путем разреза шейных кровеносных сосудов (Санжиев, Атутов, 1988: 128). Туголуков пишет, что раньше, собачьей кровью лечили ожоги (Туголуков, 1969: 97). Он утверждает, ссылаясь на Идеса, что собачья кровь могла послужить доказательством невинности, обвиняемого в колдовстве над трупом, или колдовстве, в результате чего произошла гибель человека: для того чтобы снять с себя подозрения в колдовстве, обвиняемый должен был убить собаку и высосать из нее всю кровь (Туголуков, 1969: 144).

Собак в дневное время забивают «на задах» – в огородах, на дамбе или в лесу недалеко от дома. Ночью собаку могут забить в переулке между двумя заборами, хотя такие случаи встречаются крайне редко. Обычно выбирается место на краю деревни.

Разделяется собака точно так же, как олень, медведь или баран. Эвенки при свеживании дикого или домашнего оленя кости не перерубали, а отрезали ножом по суставам (Василевич, 1969: 123). Лучшим специалистом по разделке животных считается тот, кто пользуется только ножом, обрабатывает тушу без применения топора (Санжиев, Атутов, 1988: 128). Собаку также разделяют по суставам: «Мы ее по суставам разобрали»

Процесс приготовления собачьего мяса на печи. Зима 2007.

Фото авторов

(мужчина, 22 года). Голову, кишки и лапки оставляют на месте разделки, иногда закапывают или выбрасывают на помойку. Желчь собаки также не используется.

Шкуру забирают вместе с хвостом, иногда без хвоста. С собой уносят мясо, внутренние органы и «стегна». Внутренние органы собаки в деревне называют «осердии». Отваривают сердце (нинакин солломэн – эвенк.), почки и легкие. Мясо варят или жарят. Собачье мясо варят на печи. Время варки зависит от возраста собаки. Взрослая собака пяти-шести лет варится в течение двух-трех часов, щенок до года – от сорока минут до полутора часов.

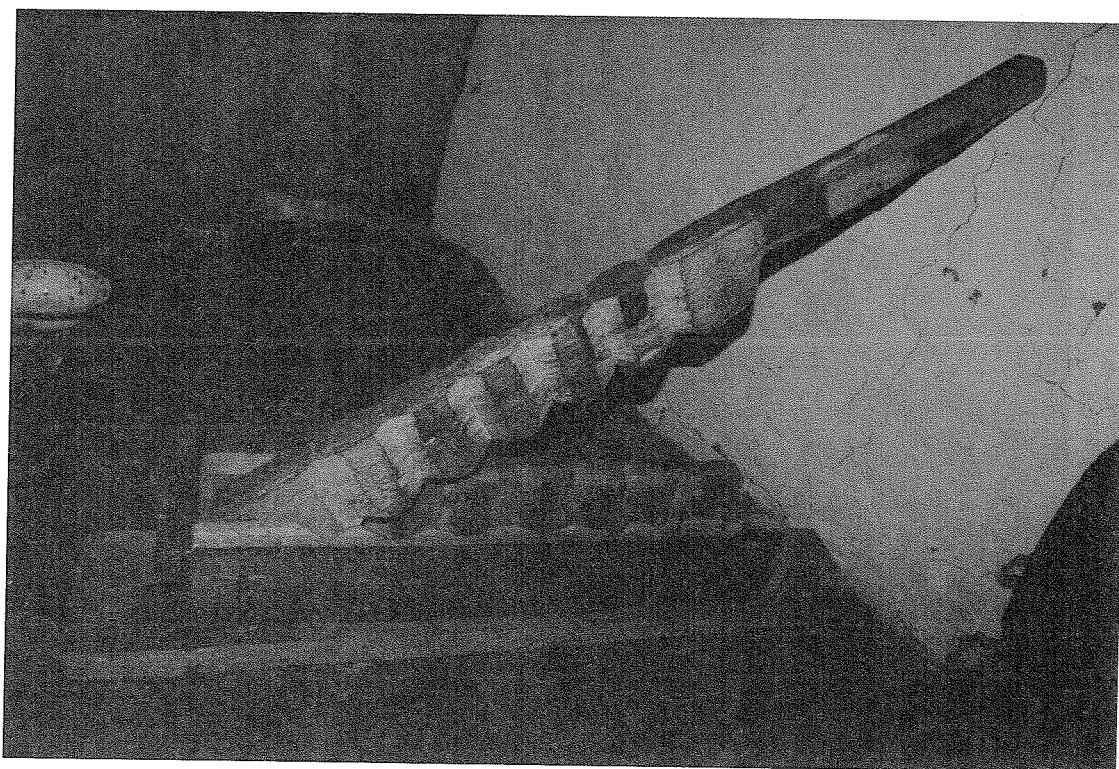
Рабочие, занимающиеся лесоповалом, рекомендуют варить собаку несколько часов из-за боязни занести в организм паразитов: «в мышцах и печени появляются паразиты» (женщина, 56 лет). Для того чтобы избежать возможного заражения, собачье мясо выдерживают в уксусе в ведре, после чего его варят два-три часа. Весной собаки особенно подвержены заражению чумкой. В это время года информанты стараются быть особенно осторожными при приготовлении собаки.

Вкус собачьего мяса зависит от возраста, породы и образа жизни животного. «Лучше всего те, которые дворовые, по помойкам бегают». До-

машняя и державшаяся на цепи собака «обычно бывает невкусной», а у щенка до года «нежное мясо» (мужчина, 42 года). Сейчас в кастрюлю с собачьим мясом кладут соль, перец, лавровый лист, укроп, хотя «раньше без ничего варили» (мужчина, 43 года). Основными способами приготовления мясной пищи у всех эвенков, по Г. М. Василевич, была варка в воде без приправ с очень незначительным количеством соли и обжаривание без соли на рожне (1969: 124).

Собаку готовят на несколько человек. Одной взрослой собаки обычно хватает на пять-шесть дней, если ее едят три человека. Зимой мясо собаки хранят в замороженном виде в кладовых или сенах. Летом предпочитают сразу варить после разделки: «летом че съели – то съели. Горячее сырым не бывает».

Из собаки готовятся также хег и ланда, рецептом которых поделилась с нами эвенкийская женщина (33 года), родившаяся в Старом Уояне. Она рассказала, что в 90-е годы в соседнем поселке Новый Уоян, жили корейцы, которые внесли кулинарное разнообразие, и научили местных жителей готовить новые блюда из собаки. Знакомство местных жителей с пищевыми привычками другой культуры, повлекли за собой демаргинализацию феномена собакоедения в этом

*Мялка для обработки шкур. С помощью этого инструмента информанты обрабатывают собачьи шкуры. Зима 2008.
Фото авторов*

регионе. Приготовление пищи из собаки, которые имели свое оригинальное название (хег, ланда), способствовали социальному закреплению собакоедения и утверждению данного феномена в ранг нормы.

Жительница села Холодное поделилась следующими рецептами приготовления собачьего мяса: 1. Хег. Данное блюдо она определила как китайское. «Для этого берется маленький щенок. Три, четыре щенка, таких как наша Дамка. Вымачиваются в уксусе в эмалированной кастрюле в течение двух часов. Туда же кладется перец и приправы. Крышка плотно прижимается грузом, можно камнем. Потом добавляется кипяченая вода с солью, и тоже оставляется на несколько часов. Употребляется с чаем и молоком».

2. Ланда. «Берется вырезка мяса с ребрышками, из середины собаки. Наливают полбутылки топленого сливочного масла, промывают, кладут в посуду, засыпают приправы поострее, плотно прикрывают крышкой и ставят на четыре часа на медленный огонь. Затем переворачивают куски мяса, и снова ставят на четыре часа. Потом перекладывают в другую посуду, добавляют воду и молоко, сверху наливают полрюмки красного

сухого вина, все, продукт готов».

В летнее время мясо хранят до двух-трех дней в холодном ключе, придавленное камнем (у некоторых жителей в деревне нет холодильников). Также летом из собаки готовят шашлык. Для этого необходимо выдержать мясо в уксусе и приправах, можно использовать майонез. В редких случаях из собачьего мяса готовят котлеты, предварительно размолот его на мясорубке.

Жир собирается с кишок и варится на пару. «У больших собак жира больше». Обычно на печь ставится миска с водой, в нее помещается кружка с жиром. Воду доводят до кипения. Кружка должна быть накрыта крышкой. Таким образом, жир топится на пару. Потом жир процеживают, для этого используется бинт или марлевая ткань. Конечный продукт, по словам информантов, «получается как слеза» и не замерзает даже при сорока градусах мороза. По вкусу собачий жир трудно отличить от жира других животных. Все, что было отцежено, используется как обычное подсолнечное или сливочное масло, например, для жарки картофеля. Жир используется как лекарственное средство. Не менее полезным является жир тарбагана. Считается, что жир помогает от

кашли. Тарбаганьим жиром лечили легочные болезни (Туголуков, 1969: 96).

Шкуру, как правило, вместе с жиром, раскочивают для просушки на стене сеней на улице: «Птички прилетают, синички, поползень – потом легче обезжиривать» (мужчина 42 года). После чего она снимается со стены дома и распаривается в теплом месте. Шкура собаки обезжиривается и обрабатывается при помощи традиционных эвенкийских инструментов. Сначала разминают шкуру, используя мялку, посредством которой обрабатываются и шкуры других животных. После этой процедуры шкуру собаки мнут руками.

Собачья шкура тоньше, чем шкуры других животных, например, нерпы. Шерсть с собак счесывается железными расческами. Из зубов собаки иногда делают ожерелья или другие украшения: «Если есть желание, можно браслет, как у индейцев сделать, с бисером. Но из медвежьих зубов красивее выходит. Собачьи зубы полые внутри» (мужчина, 42 года).

Кости и остатки супа из собаки выбрасываются собакам же. Говорят, что не любая собака может собаку съесть «одна ест, другая нет». То же самое происходит с тушками ондатр и соболей. «С нами пес ходил, мы его ондатрами кормили, а он ест и ест. Уже брюхо по земле волочится, а он все просит. Мы из интереса ему тушки кидаем, угораем над ним. Он тринадцать тушек съел, еле домой приполз» (мужчина, 21 год). Собаки выборочно едят отходы охотничьего производства. «У Вовки, например, кошку сдяпкачила. Кошку мертвую, замерзшую сдяпкачила (съела - эвенк-русс. яз. смешение)».

Нам рассказали следующую историю про собаку, которая получила кличку «Людоед»: «Собака человека может съесть. Дедушка с Улькана ездил в Холодное по клюкву. Осенью перепил, уснул и замерз. Ноябрь, декабрь прошел. Один парень ходил зимой на рыбалку. Он постоянно ходил по тропинке. Собаку дома кормят, а та не ест. Потом, пошел за собакой, проследил, увидел тело. Лица уже не было, пальцев не было – собака съела. Он свою собаку по следу вычислил. Тогда он свою собаку привязал и вызвал милицию. Сейчас собака еще бегает здесь. У собаки кличка с тех пор Людоед» (мужчина, 43 года).

Некоторые пожилые жители деревни утверждают, что эвенки раньше никогда не ели собак, и связывают появление собакоедения с советским

историческим периодом, что повлекло за собой «вырождение» эвенкийской культуры: «Эвенки никогда собак не ели, зачем им собак есть, если у них олени есть?» (женщина, 78 лет). Туголуков описывает следующую легенду, связанную с непочтительным отношением к собаке, что повлекло за собой вымирание рода Агинкагир: «Однажды люди из рода Агинкагир собрались на берегу реки Пуд и начали плясать вокруг небольшой сопки, но когда они взялись за руки, оказалось, что нельзя сомкнуть круг – не хватает одного человека. Тогда они взяли собаку и во время пляски разорвали ее на две половины. С тех - то пор агинкагиры, по словам легенды, начали вымирать, и оттого их осталось так мало...» (Туголуков, 1969: 112 - 113).

В историческом анализе культуры орочей С.В. Березницкий (1999) указывает на важную роль инаки – охотничьей или ездовой собаки. Об охотничьих собаках хорошо заботились и держали отдельно. Цена вожака упряжки равнялась стоимости хорошего соболя. В голодные сезоны орочи отказывали себе в пище, отдавая ее собакам (Лопатин 1925: 15; цит. по Березницкий 1999: 103). Собаку нельзя было даже ругать, так как она все понимает и может обидеться на человека. Собак, несмотря на их ценность, приносили в жертву в большем числе, чем других животных – свиной или петухов (Березницкий, 1999: 103).

У некоторых групп эвенков, например у оленных эвенков с правых берегов Амура, существовал миф о происхождении эвенков от связи суки с человеком. Этот миф появился под влиянием коренных народов Амура, в культуре которых собака пользовалась особым почтением (Василевич, 1979: 216). Похожее происхождение имеет представление о собаке как о проводнике души в мир мертвых. В деревне Холодное особо почитают собаку с небольшими пятнышками над глазами, которые отличаются от общей окраски животного. Считается, что такая собака обладает «вторыми глазами», видящими потусторонний мир. Если такая собака «лает на воздух» без видимых на то оснований, жители деревни убеждены, что она лает на призрак и старается предупредить хозяев о его присутствии.

По Г.М. Василевич, эвенки никогда не ели мяса волка и не употребляли в пищу мясо собак (1969: 123). Тем не менее, мясо собаки стало для многих современных эвенков постоянным

продуктом в их пищевом рационе. Собакоедение в современной эвенкийской деревне является постсоветским феноменом. Данную практику нельзя рассматривать как «маргинальную», она не должна оцениваться с точки зрения нарушения моральных и этических норм. В деревне наблюдается процесс демаргинализации данного социального феномена. Восприятие собаки как спутника, помощника, охранника не мешает восприятию собаки как элемента пищевого рациона; также как и эстетизация и сакрализация оленя совмещается с употреблением этого животного в пищу и утилизацией его шкуры, камусов, рогов. Эстетизация восприятия собаки только как друга и помощника человека сформировала дискурс научного невнимания к феномену собакоедения в эвенкийской деревне.

Географические клички собак представляют собой социально-прагматическую стратегию контроля над территорией и являются воплощением нарративной карты местности. Нарративная карта, заключенная в кличке собаки транслирует индивидуальный опыт охотника, его личные маршруты и «закрепляет» за охотником символическое право на данную территорию. Клички типа Тайга, Байкал – воплощение охотничьей поэтики и локальной идентичности. Подобные клички собак распространены не только в среде опытных охотников, но и среди деревенских жителей, тогда как клички собак, связанные с более мелкими географическими обозначениями характерны для охотников, длительное время проводящих в тайге.

Клички собак, таким образом, имеют важное социальное значение для жителей эвенкийской деревни. Принципы «называния» собак отражают принципы нарративной карты, символической власти над данной местностью, которую разделяют владельцы собак. Принцип «называния» собак есть не что иное, как паноптикум (Foucault, 1986), однако речь идет не о власти над кем-либо, но над чем-либо. Геллнер считает, что только в утопически «развитых» обществах или же в утопически «неразвитых» (речь идет об экономическом развитии либо очень древнего общества, либо утопического общества будущего, которое достигнет невероятного экономического развития) возможна власть людей над вещами, а не друг над другом (Геллнер 2004). Однако в этом случае речь не идет о попытке классифицировать

жителей эвенкийской деревни как жителей одной из экономических утопий. Речь идет о социальной прагматике, направленной на территорию и акваторией, а нарративная карта, инкорпорирующая географические клички собак, является структурирующим принципом социального контроля над местностью. Этот принцип вовлекает индивидуальные опыты, обращая их в когнитивный универсум, принадлежащий всему локальному сообществу и разделяемый таковым.

Имя собаки – власть над территорией и приращение ландшафтов к «постоянному присутствию» в рутине повседневности. Воображение ландшафта в момент «не-нахождения» в нем обретает символическую власть благодаря имени собаки, высказанному в нарративе. Ж. Лиотар полагает, что знание и власть по сути своей есть не что иное, как две стороны одной проблемы. Для современного общества вопрос о знании, превращается в вопрос об управлении. Языковые «игры», включающие как сам процесс повествования, так слушателей и говорящего, представляют собой прагматику легитимности, поскольку включают героев повествования и социальные посты участников процесса рассказа в социальные институты, распределяя критерии компетентности (Лиотар, 1998).

Знание ландшафта и его нарративное воплощение передает властные полномочия участникам процесса повествования, поглощая возможности управления ландшафтом и растворяя их в институциональных сетях локального сообщества. Если карта и власть имеют под собой общую основу (Bravo, 1996, Eder, 1996, Wagner, 2001), то нарративная карта свидетельствует о текущем менеджменте ландшафта (Lefebvre, 1996), отраженном в языке и принципе наименования (Basso, 1990). Имя собаки, таким образом, есть один из элементов, указывающих на культурно-локальное управление ландшафтами, которое существует независимо от административного распределения полномочий (Wilson, 2002) относительно природных ресурсов и территориальной оккупации.

Принцип разделявания собаки свидетельствует о сопоставлении собаки с другими животными, которых жители эвенкийской деревни регулярно употребляют в пищу. Собаку разделяют по той же схеме, что кабаргу, сохатого и оленя. Этим объясняется употребление термина

«стегно» по отношению к задним лапам собаки. В деревне собаку обычно не едят в одиночку, это всегда социальное событие.

Собака является регулярным блюдом жителей деревни, отбывавших наказание в местах лишения свободы. Для молодежи употребление в пищу собаки представляется «поэтикой тюрьмы» и «зонавской романтики», воплощающей идею свободы от органов милиции, администрации и социальных норм.

Собакоедение сегодня представляет собой устойчивую социальную практику, которую следует рассматривать не с точки зрения «вырождения» эвенкийской культуры, а как адаптацию к постсоветским социально-экономическим условиям.

Литература

Березницкий С.В. Мифология и верования орочей, СПб.: 1999.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.

Геллнер Э. Условия свободы. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: ДВО РАН, издательство Гродековского музея, 2006.

Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845—1849) / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика; Коммент. А.П. Зенько и С.Г. Пархимовича. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999.

Киселева Н.К. (Сост.). Любимый северный край. К 80-летию Северобайкальского района. Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография». 2006.

Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / пер. Н.А. Шматко, М.: «Алетейя», 1998.

Лопатин И.А. Орочи – сородичи маньчжур. Харбин, 1925.

Полевой Б.П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. (О сочинении Адама Каменского-Длужика) // Советская этнография, №5, 1965.

Рогова М. Вершина Ханды. Деревня на месте-рождении // Байкальская Сибирь предисловие 21

века / М.Я. Рожанский (Отв. ред.), Иркутск, 2007.

Санжиев Г.Л., Атутов А.А. (Отв. ред.). Хозяйство, культура и быт эвенков Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1988.

Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. 2-у изд-е испр. и доп. Москва-Иркутск: «Оттиск», 2002.

Сирина А.А., Фонда Г.А. Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Сибирь – Тихий океан» // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 186, 2006.

Спасский Г. Очерки из быта некоторых сибирских инородцев // Вестник императорского русского географического общества, часть XX, 1857.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969.

Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья. Улан-Удэ: Издательство «Бэлиг», 2001.

Anderson D.G. Mobile Architecture and Social Life: The Case of the Conical Skin Lodge in the Putoran Plateau Region // Les civilisations du renne d'hier et d'aujourd'hui. Approches ethnohistoriques, archéologiques et anthropologiques. XXVIIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes / Sous la direction de S. Beyries et V. Vate Éditions APDCA, Antibes, 2007, pp. 43-63.

Basso K. Western Apache Language and Culture. Essays in Linguistic Anthropology. Tucson: The University of Arizona Press. 1990.

Bravo T.M. The Accuracy of Ethnoscience: A Study of Inuit Cartography and Cross-Cultural Commensurability. Manchester Papers in Social Anthropology, Manchester: Department of Social Anthropology, University of Manchester, 1996.

Eder K. The Social Construction of Nature. London: Sage Publications. 1996.

Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics. Vol.16, N.1, 1986, pp. 22-27.

Lefebvre H. The production of Space. London, 1996.

Wagner R. Condensed Mapping, Emplaced Myth / In volume Edited by A. Rumsey, J. Weiner, University of Hawai Press, 2001.

Wilson E. Est' zakon, est' I svoi zakony. Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / E. Kasten (ed.), Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 2002, pp. 149-168.

Summary

The article «The Dog's Heart: Anthropology of Dog Eating in Post-Soviet Evenki Native Village» by Vladimir N. Davydov and Veronoka V. Simonova (University of Aberdeen, UK) dedicated to the phenomenon of social relation to dogs in Native Evenki village. Authors pay attention to historical interpretation of dog's role in Evenki society and modern way of local treatment of dogs.

The Phenomenon of dog eating usually perceived as marginal and backward in Russian society. In spite of its existence in different cultures, it is interpreted as wild and immoral and degradation in Russia. Authors attempted to deconstruct this cultural discourse and to describe it from the perspective of Evenki people and the village dwellers.

The key concept of dog treatment is a social way of spatial control reflected in the dog's names rooted in vernacular geography. The dog eating phenomenon co-exists with other social relations to dogs. For example people have practical attitude to reindeer who burdened with symbolic and sacred meaning at the same time. Dog has the same trajectory of social and local vision.

Geographical dog's names testify to Evenki spatial occupation and may be analysed as narrative map of local hunting activity.

The authors argue that the dog eating practice which takes place in Evenki Native village connected to local medicine as well and should be seen as a way of adaptation to Post – Soviet transformations.

УДК 930.26

ББК Т4 (2Р55) - 434

Reviewers: prof. A.A. Tishkin, PhD. V.V. Svinin

Editors: prof. Artur V. Kharinsky

PhD. A.V. Teten'kin

PhD. V.S. Nikolaev

Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. – Irkutsk: Irkutsk State Technical University Press, 2008. - Is. 6. – 238 p.

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research ancient history of Baikalian Siberia. The collection is printed under the direction of Laboratory of Ancient Technologies of Irkutsk State Technical University. There are several included articles of the researchers of different institutions of Irkutsk and other cities of Siberia and also articles of our foreign colleagues from Canada. Themes of this number cover the different aspects of research of the archaeological and ethnoarchaeological objects from Paleolithic until the Present.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, ethnographers, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity of Siberia and Central Asia.

ISBN 978-5-8038-0522-9

©Laboratory of Ancient Technologies, 2008
©Irkutsk State Technical University, 2008